Александр
Пушкин

Александр Пушкин

Лирика

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
П91

Серия *«Народная поэзия»*
Оформление художника *Е. Ененко*

Серия *«Золотая коллекция поэзии»*
Оформление *Н. Ярусовой*
В оформлении обложки использована иллюстрация:
Victorian Traditions / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Пушкин, Александр Сергеевич.
П91 Лирика / Александр Пушкин. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-699-96442-0 (Золотая коллекция поэзии)
ISBN 978-5-699-11495-5 (Народная поэзия)

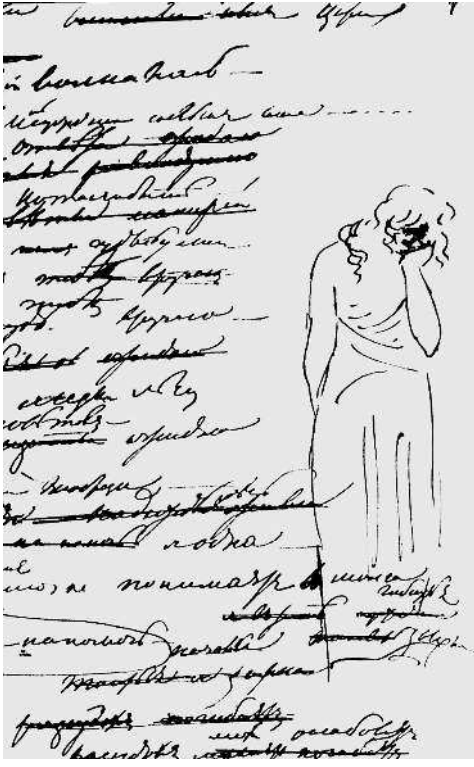
Мягкая нежность, трепетная влюбленность, пылкая страсть и верность в дружбе — все это непревзойденным по красоте поэтическим словом выразил великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин. Именно поэтому поэзия Пушкина сопровождает нас везде и всегда, и всплывают любимые строки: «Я помню чудное мгновенье...», «Не искушай меня без нужды...», «Не говори: любовь пройдет...». О любви, пожалуй, лучше не скажешь. И не только о любви... В сборник вошли также стихотворения А. С. Пушкина о дружбе, родине, природе, о законах мироздания — словом, обо всем, чем жив человек.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-699-96442-0
ISBN 978-5-699-11495-5

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Сгорая пламенем любви



Лист рукописи А. С. Пушкина

…Женщинам Пушкин нравился; он бывал с ними необыкновенно увлекателен и внушил не одну страсть на веку своем. Когда он кокетничал с женщиною или когда был действительно ею занят, разговор его становился необыкновенно заманчив. Должно заметить, что редко можно встретить человека, который бы объяснялся так вяло и так несносно, как Пушкин, когда предмет разговора не занимал его. Но он становился блестяще красноречив, когда дело шло о чем-либо близком его душе. Тогда-то он являлся поэтом и гораздо более вдохновенным, чем во всех своих сочинениях.

Л. С. Пушкин (брат поэта)

Замечу кстати: все поэты —
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мне снились, и душа моя
Их образ тайный сохранила;
Их после муза оживила:
Так я, беспечен, воспевал
И деву гор, мой идеал,
И пленниц берегов Салгира.
Теперь от вас, мои друзья,
Вопрос нередко слышу я:
«О ком твоя вздыхает лира?
Кому, в толпе ревнивых дев,
Ты посвятил ее напев?

Чей взор, волнуя вдохновенье,
Умильной лаской наградил
Твое задумчивое пенье?
Кого твой стих боготворил?»

И, други, никого, ей-богу!
Любви безумную тревогу
Я безотрадно испытал.
Блажен, кто с нею сочетал
Горячку рифм: он тем удвоил
Поэзии священный бред,
Петрарке шествуя вослед,
А муки сердца успокоил,
Поймал и славу между тем;
Но я, любя, был глуп и нем.

Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный ум.
Свободен, вновь ищу союза
Волшебных звуков, чувств и дум;
Пишу, и сердце не тоскует,
Перо, забывшись, не рисует,
Близ неоконченных стихов,
Ни женских ножек, ни голов;
Погасший пепел уж не вспыхнет,
Я все грущу; но слез уж нет,
И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет…

«Евгений Онегин»,
глава первая

Любви все возрасты покорны;
Но юным, девственным сердцам
Ее порывы благотворны,
Как бури вешние полям:
В дожде страстей они свежеют,
И обновляются, и зреют —
И жизнь могущая дает
И пышный цвет и сладкий плод.
Но в возраст поздний и бесплодный,
На повороте наших лет,
Печален страсти мертвый след:
Так бури осени холодной
В болото обращают луг
И обнажают лес вокруг.

«Евгений Онегин»,
глава восьмая

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ[1]

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил;

Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей;

«С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя».

Я дал ему злата и проклял его
И верного позвал раба моего.

---

[1] В журнальной публикации Пушкин сопроводил текст подзаголовком «Молдавская песня». *(Примеч. сост.)*

Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог…

В покой отдаленный вхожу я один…
Неверную деву лобзал армянин.

Не взвидел я света; булат загремел…
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моленья… текущую кровь…
Погибла гречанка, погибла любовь!

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

1820

* * *

Редеет облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины;
Люблю твой слабый свет в небесной вышине:
Он думы разбудил, уснувшие во мне.
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где всё для сердца мило,
Где стройны тополы в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

1820

М. Н. Волконская. (1805 – 1863).

* * *

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой… Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

1829